

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-44-60

УДК 1 (091)

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КРИТИКИ ОРИЕНТАЛИЗМА В ТРУДАХ РЕНЕ ГЕНОНА*

Канаева Наталия Алексеевна,

доктор философских наук, доцент,

Школа философии и культурологии факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1

ORCID: 0000-0001-7987-8163

nkanaeva@hse.ru

Шиков Артём Андреевич,

магистрант

Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1

aashikov@edu.hse.ru

Васильев Григорий Витальевич,

бакалавр

Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1

gvvasilev_1@edu.hse.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению критических аргументов против ориентализма, выдвинутых французским философом-эзотериком Рене Геноном (1886–1951) в его трех книгах: «Общее введение в изучение индусских учений» (1921), «Восток и Запад» (1924), «Человек и его осуществление согласно веданте» (1925), а также в докладе «Восточная метафизика» (1925). Эти аргументы редко привлекали внимание исследователей, а между тем они занимают важное место в методологии обоснования Геноном его «истинной метафизики» как еще одной попытки вернуть человеку его собственно человеческое бытие, разорванное в мире модерна на его отдельные формы – традиционные восточные и «аномальную» западную цивилиза-

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 21-04-033) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021 году.

ции. Во введении статьи антиориенталистские идеи Генона соотносятся с критикой ориентализма Э. Саидом (1935–2003), оказавшей большое влияние на востоковедение второй половины XX века. В основной части затронут культурный контекст идейных поисков эзотерика и отмечен исток его метафизики в идее противопоставления модерна и традиции.

Генон критикует широко распространенное на Западе принижение традиционных восточных культур и «догмы» цивилизации, прогресса и существования единого человечества, движущегося по ступеням единственно возможного прогресса, основанного на разуме и рациональной науке. Для мыслителя прогрессистское понимание культуры ущербно, а западная цивилизация не образец для всех остальных, но аномалия развития. Пока западный человек вообще и ученые-ориенталисты в частности, изучающие Восток предвзято, без желания дойти до подлинного понимания смыслов Традиции как формы цельного метафизического знания, не избавятся от своих «догм», противостояние Востока и Запада сохранится. Критическими аргументами эзотерика часто становятся установленные им ошибки в работах конкретных востоковедов (Эжена Бюрнуфа, Макса Мюллера) и философов (Г.В. Лейбница), разрушающие основы ориенталистского подхода.

Ключевые слова: антитеза «модерн – традиция», интегральный традиционализм, интеллект, истинная метафизика, ориентализм, оксидентализм, Рене Генон, Традиция.

Библиографическое описание для цитирования:

Канаева Н.А., Шиков А.А., Васильев Г.В. Метафизический смысл критики ориентализма в трудах Рене Генона // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 15, № 1, ч. 1. – С. 44–60. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-44-60.

Введение

Со времени публикации резонансной книги «Ориентализм: Западные концепции Востока» (1978) [6] Эдварда Саида (1935–2003) прошло более сорока лет, и тема стала выглядеть вроде бы исчерпанной не только благодаря многочисленным публикациям, дискуссиям, лекциям, конференциям и семинарам, но и благодаря практическим следствиям жесткой критики «ориентализма». Члены академического сообщества компаративистов увидели эти следствия в изменениях, произошедших в академической политике и специальном языке¹, в появлении нового направления изучения Востока – «постколониальных исследований» [5, с. 38], в начавшейся теоретической разработке указанных в книге проблем (например, неадекватной интерпретации Чужого / Другого) в более широком контексте глобализации, деколонизации и межкультурного диалога. За годы, прошедшие с публикации «Ориентализма», было выявлено и описано «множество ориентализмов на фоне разных “востоков” и “западов”» [7, с. 24]. Было заме-

¹ Вильгель Хальбфасс в этой связи отметил: «В ряде случаев это приводило к исключению слова “ориентальный” из названий академических кафедр и программ» [13, р. 1–2] и указал конкретный пример – Пенсильванский университет. См. также [5, с. 40–41; 7, с. 15].

чено также, что в конце 70-х годов Э. Саид не был единственным критиком отношения Запада к Востоку². И не был первым: как показала Вера Тольц, он опирался на статью «Ориентализм в кризисе» (1963) социолога-марксиста из Египта Анвара Абдель-Малека, который, в свою очередь, ссылался на статью «Востоковедение» Сергея Ольденбурга в «Большой советской энциклопедии», отразившую тот факт, что российские востоковеды еще до 1917 года критиковали отдельные ограничения западных ориенталистских исследований [16, р. 100, 101]. Марксистское влияние на критику Э. Саидом ориентализма, сказавшееся, например, в отождествлении ориентализма с империализмом [6, с. 26, 316, 526], определило интерес к его книге «в идеологизированных левой риторикой кругах» [7, с. 15].

В публикациях последнего десятилетия эксперты отмечают несомненный парадигмальный сдвиг в сфере кросс-культурных исследований, ставший следствием книги сирийского философа. Во-первых, отношения между Востоком и Западом стали рассматриваться не односторонне (с Запада на Восток) и не как исключительно репрессивные по отношению к Востоку. Сегодня представители восточных традиций тоже оценивают западную цивилизацию, и их оценки варьируют в довольно широком спектре. Во-вторых, сам феномен ориентализма стал рассматриваться шире: как проявление глобализации, даже как «ур-феномен³ глобализации или как процесс делания Запада менее западным» [7, с. 24]. В-третьих, в качестве противоположной ориентализму тенденции глобализации в академическом сообществе стал рассматриваться оксидентализм – «нередко упрощенное и часто отрицательное изображение Запада азиатскими авторами» [7, с. 24].

Э. Саид различал две разновидности ориентализма: академический (насаждаемый теми, кто «преподает Востоку») и имажинативный (стиль мышления, основанный не только на онтологическом и эпистемологическом различении «Востока» и «Запада» [6, с. 9], но и на увлечении неким вымышленным Востоком, на энтузиазме «любителей и профессионалов ко всему связанному с Азией, что было синонимом всего экзотического, таинственного, глубокого и плодovitого» [6, с. 81]. Если профессиональные исследователи Востока исходили из принижения Востока и его негативной оценки, то поклонники Востока, среди которых было немало крупнейших писателей XIX века [6, с. 83], давали высокие оценки восточным культурам, восхищались ими. Оба варианта оказывали друг на друга сильное влияние и оба квалифицировались Саидом как западный «стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [6, с. 10],

² В том же 1978 году были опубликованы «Маркс и конец ориентализма» Б. Тёрнера (Turner, Bryan S. *Marx and the End of Orientalism*) и «Наука и сварадж» Дж. П.С. Убероя (Uberoi, Jit Pal Singh. *Science and Swaraj*).

³ Ур-феномен (нем. Urphänomen) – первое явление, начало какого-либо процесса.

поскольку представители имагинативного ориентализма, восхищаясь Востоком, не критиковали Запад. После Первой мировой войны, когда разочарование в западной цивилизации, по оценке М. Сэдживика, становится общим местом [17, р. 174], пренебрежение Востоком с новой силой сменяется восхищением его незыблемостью и безмятежностью, нарастающей убежденностью в превосходстве «восточной мудрости» перед западным «циническим разумом». Среди мыслителей, занимавших именно такую позицию, заметное место принадлежит французскому мистiku Рене Генону (1886–1951), который не только высоко оценил восточные культуры, но и впервые поставил критику Запада на фундамент оппозиции *модерн – традиция*, задав, таким образом, собственную оптику критики цивилизации модерна.

Антиориенталистские идеи Генона оказались в тени его главных концепций и редко попадают в сферу внимания современных исследователей. А между тем они имеют особый интерес, ведь, по оценке французского религиоведа-индолога Роланда Лардинуа, эта критика серьезно повлияла на французскую индологию [14], поскольку Генон не ограничился теоретическими нападениями на западоцентристское отношение к восточным культурам. Он, будучи рожден и воспитан в католической французской культуре, сознательно перешел в другую, мусульманскую культуру, приняв ислам и подтвердив таким образом собственной жизнью свой выбор в пользу традиционных ценностей.

Слабая изученность геноновской критики ориентализма определила две главные задачи, решаемые в настоящей статье: 1) реконструкцию позиции Р. Генона в отношении ориентализма и 2) экспликацию смысла критики ориентализма как функциональной части «истинной метафизики» Р. Генона. Критическая аргументация мыслителя прослеживается по текстам его трех больших работ: «Общее введение в изучение индусских учений» (1921) [2, 9], «Восток и Запад» (1924) [1, 12], «Человек и его осуществление согласно веданте» (1925) [3, 11] и доклада «Восточная метафизика» (прочитан в 1925 г., опубликован в сборнике в 1926) [3]. По причине расхождения переводов и первоисточников, иногда важных с теоретической точки зрения, в аппарате цитирования авторы данной статьи опирались на оцифрованные версии оригинальных изданий произведений французского мыслителя, предоставленные сайтом Квебекского университета в Шикутими (Université du Québec à Chicoutimi) [15].

Контекст идейных поисков Генона

Взгляды французского мистика формировались под влиянием довольно эклектичной и институционально нестабильной среды конца XIX века, описанной Юлианом Штрубе из Венского университета. В ней,

с одной стороны, царила напряженная конкуренция между теософией авантюристки Елены Блаватской, сомнительными претензиями Жерара Анкосса⁴ на подлинный мартинизм и идеями основателей французского эзотерического сообщества с их пережитками увлечения социализмом, а с другой стороны, фанатичная преданность участников лож своим вождям [18, р. 572–574, 575, 576, *passim*]. Если сначала Генон глубоко погружается в эту среду, то уже к началу 10-х годов XX века он успевает разочароваться в ней, и даже самые первые его статьи будут проникнуты духом неприятия гетерогенности французского эзотеризма. Его собственные взгляды, напротив, обладали примечательным единством, будучи при этом лишены привычной системности. Зная о вполне модернистских корнях позиций окружающих его эзотериков, Генон обращается через посредников к носителям, как ему казалось, аутентичных эзотерических сообществ вне Запада. Так, его проводником в суфизм стал Иван Агуэли, ученик суфийского шейха Абдер Рахмана Кебира [17, р. 184]. Благодаря новым контактам он формулирует универсалистскую философию, которую сам называет «истинной метафизикой» и которая позже получит название генонизма, или традиционализма⁵. Чтобы отделить учение Генона и его последователей от других разновидностей традиционализма, в исследовательской литературе часто используется термин, взятый из творчества итальянского эзотерика Юлиуса Эвола, – интегральный традиционализм [8, с. 146].

Модерн и традиция: противостояние

Метафизика Р. Генона выходит далеко за пределы *ориенталистской* оптики, но тем не менее имеет в ней свое основание. С ориентализмом его метафизику роднит признание кардинальных различий между вступившим в эпоху модерна Западом и оставшимся в рамках традиционных культур Востоком. Но что кардинально отличает позицию Генона от ориентализма, так это оценка появления современного мира как «истинной аномалии» [12, р. 19]. Начиная с Ренессанса, полагал он, в культуре Европы всё перевернуто с ног на голову: Средние века получают ярлык мракобесия, а нарастающий материализм – знамени прогресса. Обезбоженный мир, где всё сводится исключительно к материальному, к экономике или к человеческой психологии, для Генона и его последователей – апокалиптический символ приближающегося конца человеческой цивилизации [1, с. 79].

⁴ Анкосс публиковался под псевдонимом «Папнос».

⁵ Название закрепляется стихийно в 1930-е годы в связи с тем, что под влияние Генона попадают братья Шакорнак, основатели оккультного журнала *Le Voile d'Isis*. Вскоре они меняют название журнала на *Études Traditionnelles*, что закрепит самоидентификацию генонистов как традиционалистов. Генон отрицательно относился к такому самоназванию, считая его «сентиментальным», но его последователи, такие как Ю. Эвола, станут называть себя именно так.

Посвятив немало времени изучению различных восточных культур (индийской, арабской, китайской), он хорошо знал о самобытных чертах каждой, что не мешало ему видеть изоморфизм традиционных цивилизаций, их культурных, религиозных и политических оснований, несмотря на все различия, которые между ними существовали. В пренебрежении западных людей нынешними восточными культурами мыслитель видел свидетельство их полного непонимания тех основ, которые были характерны для всех традиционных культур вообще, в том числе и для западной – до ее вступления в модерн. Он с сожалением констатировал разрыв модерна с традиционной цивилизацией, невозможность взаимопонимания двух этих миров и неизменное желание европейцев «цивилизовать» покоренные ими народы, даже если они не являются варварскими. При этом колонизаторы прикрываются «лицемерным морализаторством». Однако «нужно быть очень наивным, чтобы не понимать, что настоящий мотив совсем другой, что он заключается в надежде на более ощутимую прибыль» [12, р. 77, 78].

Сам эзотерик основы традиций понимает и видит их в метафизическом, трансцендентном *первоначале*: Традиция с большой буквы в его представлении есть знание, полученное в результате нисхождения *первоначала*. По сути, Традиция больше, чем то рациональное знание, к которому свел чистое интеллектуальное познание Декарт [12, р. 18], – это состояние единства с *первоначалом*, следами которого и являются специфические практики, священные тексты и любые другие культурные формы. Большая часть книг Генона и посвящена анализу традиционных культурных форм, в ходе которого мыслитель показывает функциональное единство культурных символов при разнообразии их наличных форм. С его точки зрения, различные формы традиции возникают как адаптация к локальным реалиям.

Ключевой идеей Генона становится присутствие в традиции двух сторон: внешней, экзотерической, и внутренней, эзотерической [1, с. 80]. При полном несовпадении внешних проявлений разных культур их внутреннее всегда оказывается одним и тем же. Если одни культуры позволяют осознать это единство, как, например, индуизм, то другие культуры этого категорически не допускают. Связь знания не с разумом, а с интеллектом в этих культурах, даже в экзотерической области, позволяет носителям культуры артикулировать это неформальное единство без страха за свою ортодоксальность. Для носителей других культур путь к этому единству лежит только через тайные общества, например общества суфиев или рыцарей-храмовников, где привычный язык традиции осмысливается в совершенно других, непривычных категориях.

Подлинный смысл всякой традиции, с точки зрения Генона, всегда скрыт от большинства и доступен только посвященным. Именно посвященные посредством ритуала получают возможности подниматься по пути духовного восхождения, который осмысливается Геноном в онтологическом ключе как серия практик, буквально меняющих онтологический статус человеческого существа [4, с. 67].

В его концепции Традиции магия и подобные ей практики, которые мы сегодня считаем вненаучными, оцениваются как средства воздействия на мир, подобные средствам современной науки, но действующие на *тонком* уровне. Эти средства вторичны и необязательны, тогда как первична только практика, ведущая к единству с *Первоначалом*. Генон делит все виды практики на три класса: относящиеся к материальному миру – мирская деятельность, к тонкому миру – магия, к духовному миру – религия. Такой взгляд на историю и культуру, замечающий сходства незападных цивилизаций и их достоинства, приводящий к высокой оценке традиционных культур, и породил идейное течение, у истоков которого стоял Р. Генон, – *традиционализм*.

«Ориентализм» как собирательное имя профессиональных исследований Востока в устах традиционалистов становится типичным примером неспособности западного мышления осознать узость собственных подходов, определенных модерном для изучения восточных культур, но на деле препятствующих их адекватному пониманию.

Аргументы против ориентализма

Истоки ориенталистского подхода к незападным культурам Генон находит у Г.В. Лейбница, которого он при всем своем критическом отношении к западной философии как таковой называет «самым интеллектуальным из всех современных философов» [12, р. 53]. Но даже этот философ, обладавший необходимой (в каркасе метафизики Генона) способностью для постижения метафизической истины, стал для Генона примером совершенного непонимания Традиции, в случае Лейбница – китайской. Он заслужил законную критику со стороны французского мистика за попытку приложить свой проект «универсальной характеристики» (*characteristica universalis*), по сути, универсального символического языка – к анализу значения идеографических знаков (судя по приводимому им описанию, гексаграмм, составленных шестью горизонтальными линиями), которые используются в китайской гадательной книге «И цзин» («Книге перемен»). Состоят эти гексаграммы из двух видов горизонтальных линий: сплошной «—» и разорванной «- -». Лейбниц предлагает интерпретировать эти линии в терминах бинарной арифметики: как 1 и 0. При этом он считает, что перевод гексаграмм в сочетания единиц и нулей дает ключ к зна-

чению «И цзина», утраченному китайцами, возможно, более тысячи лет назад. Немецкий философ добавляет, что китайцы сделали на «И цзин» комментарии, «в которых они ищут не знаю какой отдаленный смысл, так что необходимо, чтобы истинное объяснение пришло к ним теперь от европейцев» [12, р. 54, 55]. На эту самонадеянную оценку Генон отвечает, что китайцы не утрачивали истинное значение. Арифметическая интерпретация имеется у них самих, и она даже не является ошибочной. При этом в оторванности от других смыслов математическая интерпретация является неполной и недостаточной. Высшим смыслом Генон называет метафизический, а все другие, такие как арифметический, логический, астрономический, социальный, являются его частными приложениями [12, р. 54]. Ошибка Лейбница состояла в том, что он не вступил в контакт с китайцами и не получил от них каких-то пояснений, а просто предложил свою теорию, которую тут же объявил «истинным объяснением», на которое не способны сами китайцы. Те же претензии, по мнению Генона, есть и у других ориенталистов, «которые отказываются хоть немного учитывать мнения законных представителей» восточных учений [12, р. 54, 55].

Много места Генон отводит критике ориентализма и ориенталистов в книге «Общее введение в изучение индусских учений» («Introduction générale à l'étude des doctrines hindoues»). Книга начинается с выявления трудностей, которые стоят перед каждым исследователем Востока, и критического анализа исследовательских методов, призванных преодолевать названные трудности, однако на деле их не преодолевающих. Перечень трудностей открывает необходимость «менталитета», без которой невозможно достижение истинного и глубокого понимания восточных учений. Мыслитель уверен, что востоковеды-западники никогда не преодолевали этого затруднения, хотя и создали немало чисто научных работ, без какого-либо интереса к пониманию подлинных идей [9, р. 10]. Подлинному пониманию не помогают ни знание грамматики того языка, на котором написаны изучаемые тексты, ни способность ученого сделать пословный перевод, ибо «нет соответствия между способами выражения, свойственными двум разным языкам», зато существует огромная разница «в представлениях, свойственных говорящим на них народам» [2, с. 18]. Стремясь накопить как можно больше знаний о культуре на основе критического изучения текстов этой культуры, исследователь теряется в бесконечном лабиринте деталей, подменяет понимание эрудицией, которая становится специальностью, применяет разные «научные» методы: литературный, исторический, но так и не достигает полного понимания смысла текста [9, р. 11].

Второй, еще более вредоносной составляющей работы ориенталистов Генон называет толкования восточных текстов в западных терминах и

«с западной точки зрения» – с позиции тех мировоззренческих систем, которые существуют на Западе и к которым склоняются конкретные ориенталисты. В то время как правильное понимание может быть достигнуто только при условии, что исследователь интерпретирует восточную доктрину, приняв, насколько это возможно, точку зрения создателей этой доктрины. Использование западных методологических подходов внушает ориенталистам ложное убеждение, что «они способны понимать восточные учения лучше самих представителей Востока» [9, р. 11, 12]. В определении метода правильного понимания, на наш взгляд, читается призыв не только к пониманию теоретических смыслов восточного учения исследователем, но и к осознанию его как жизненной программы, а также мысль о том, что понимание всякого учения (религиозного, философского, научного) возможно только «изнутри» культуры, в которой это учение «работает», определяет смыслы жизнедеятельности и направляет деятельность ее носителей.

Проблематичным, с точки зрения Генона, является также «исторический метод», обуславливающий изучение восточных цивилизаций «как цивилизаций давно угасших». Эта оценка не соответствует реальности: древние цивилизации не угасли, и можно провести диалог с их живыми представителями, что «стоит несравненно больше, чем вся мировая наука» [9, р. 12].

Еще целый ряд аргументов против ориентализма мыслитель выдвигает, анализируя конкретные исследования и их методологию в разделе IV «Западные толкования». Глава 1 начинается с общей критики «официального ориентализма», под которым имеет в виду исследования профессиональных востоковедов, признанных в научном сообществе. Здесь Генон повторяет аргументы, записанные во введении к этой книге: есть востоковеды добросовестные и эрудированные, при этом справедливо признающие собственные ограничения в возможности достичь полного понимания исследуемых культур. А есть те, которые считают, «что их лингвистические и исторические исследования дают им право говорить о самых разных вещах» [9, р. 217]. Возвращаясь к ограниченным «научным» методам профессиональных востоковедов в главе 5 того же раздела, Генон называет их подход к исследованию восточных культур «манией текстов, источников и библиографий». Этот научный западный инструментарий, совершенно не гарантирующий понимания иных культур, настолько широко распространен и настолько похож на систему, что многие специалисты-востоковеды «будут испытывать настоящий дискомфорт, не найдя ничего подобного в других странах». Единственный способ понять другие культуры – «потрудиться над этим» пониманием, поставив себя на место носителя изучаемой культуры [9, р. 242].

В главе 2 указанного раздела, посвященной религиоведению, мыслитель разбирает исследования Эжена Бюрнуфа, которого считает основоположником «науки о религии». Исследуя религии индейцев Северной Америки, Бюрнуф, с точки зрения Генона, использовал слишком узкое толкование понятия религии, не включая в нее мораль и сводя ее содержание только к учению и ритуалу. Это позволило ему обозначить словом «религия» все традиционные учения и заложить в фундамент «науки о религии» «путаницу», к которой вместе с новыми методами работы вроде критики и гиперкритики текстов добавились «новые путаницы» [9, р. 221]. Достается и другим религиоведам, в частности Макс Мюллеру с его солярным мифом, который возрождает выдвинутую Дюпюи и Вольнеем в конце XVIII века астромифологическую теорию, ведущую к натуралистическому истолкованию религии. Генон утверждает, что солярный миф и все подобного рода интерпретации, основанные на том, что символы соответствуют астрономическим или природным реалиям и отражают только их, схожи с номинализмом, чьи сторонники «путают идею со словом, используемым для ее выражения» [9, р. 222]. Отсюда Генон делает вывод, что наука о религии является «тривиальным инструментом полемики» в руках людей, использующих ее «против религии» [9, р. 223]. Он критикует сугубо эволюционистский взгляд на религию, утверждая, что эволюционистская парадигма внутренне присуща историческому методу, взятому на вооружение религиоведами [9, р. 222]. Следовательно, эволюционизм приходит в религиоведение вслед за принятием исторического метода. Его применение неправомерно, что доказывается «странной теорией» эволюции всех религий от стадии фетишизма через стадию политеизма к монотеизму. Она «странная», потому что в реальной истории религий эти стадии не существовали. Политеизм, как и тесно связанные с ним «мифы», является не чем иным, как серьезным искажением, возникающим из полного отсутствия понимания [9, р. 222, 223]. Тогда как изначально традиционное учение *недуально*, что, будучи переведенным в религиозную плоскость, соответствует монотеизму [9, р. 225]. Мыслитель критикует ориенталистов-религиоведов за непонимание символов традиционных культур и за их предубеждение, что «все цивилизации построены по греко-римскому образцу» [9, р. 222].

Работы всех вышеперечисленных Геноном исследователей демонстрируют, что непонимание Востока приводит к навязыванию восточным текстам западного контекста, и в первую очередь идеи эволюции. Как эзотерик Генон убежден, что классические религиозные и философские тексты Востока говорят о метафизическом аспекте реальности, где под «метафизической» подразумевается абсолютная реальность. Поэтому попытка ориенталистов проинтерпретировать их, руководствуясь методами прин-

циально неметафизической (для Генона) западной истории философии, ошибочна [9, р. 220]. Следствием такого подхода в рамках «наук о религии» становится отвержение как ненаучной саморефлексии не только представителей восточных религий и движений, но и религиозных людей на Западе, что, по Генону, еще раз подтверждает сугубо внешний характер анализа учеными феномена религии [9, р. 219, 220]. Представителями религии среди религиоведов оказываются только либеральные протестанты, но даже они выступают за «рационализацию» анализа религиозного материала, а свою религию сводят только к «морализаторству» [9, р. 223].

Свидетельством «путаницы» в науке о религии Генон считает объяснения в ней магии и фетишизма. Мыслитель возводит этимологию слова «фетишизм» к португальскому слову, обозначающему колдовство, магию, и поясняет, что магические практики не являются религией «ни примитивной, ни находящейся в стадии вырождения». Смешения значений слов теми, кто говорит о магии, свидетельствуют об их не слишком хорошей осведомленности о предмете. Французский мистик относит магию к экспериментальной науке, наукоподобным практикам традиционной цивилизации, вторичным и неважным [9, р. 225].

В главе 3, посвященной критике доктрины «Геософского общества» (которое Генон отличает от средневековой теософии), она оценивается как компиляция «элементов, заимствованных из самых разных источников, часто представляющих сомнительную ценность и собранных в запутанный и непоследовательный синкретизм» [9, р. 231], приводятся также критические аргументы и в адрес ориенталистов, склонных принимать интерпретации теософов всерьез как «восточные учения», в то время как они являются всего лишь западными интерпретациями [9, р. 230] и в изобилии используют санскритскую терминологию для обозначения в основном западных концепций, «максимально отдаленных от индуистских идей [9, р. 232].

Так же активно полемизирует Генон с ориенталистами в своем труде «Человек и его осуществление согласно веданте» («L'homme et son devenir selon le Védânta»). Важно понимать, что в данной работе он рассматривает индийскую религиозно-философскую систему веданта («конец вед») как наиболее «чистую метафизическую ветвь» [3, с. 7] индуистских доктрин, как «познание Универсального», которое невозможно подогнать под какую-либо классификацию, назвать его религией или философией [3, с. 13]. При этом Генон не рассматривает шесть основных индуистских мировоззренческих учений (*даршан*) как противоборствующие. Точка зрения на *даршаны* как на различные и борющиеся друг с другом учения присуща ориенталистам, которые пытаются рассматривать их по аналогии с европейскими философскими системами отдельных мыслителей. *Даршаны* для

Генона, согласно этимологии слова, производного от санскритского глагола *dr̥ṣ-* – «видеть», являются просто вариантами развития одной доктрины, полученными с разных точек зрения и в разных направлениях [3, с. 15]. Поэтому, исследуя веданту, мыслитель считал себя вправе обращаться к другим ветвям индуистской доктрины в тех местах, где они могут уточнить или дополнить положения веданты.

Критика распространенных среди ориенталистов представлений о религии и философии имеет вполне конкретную цель: отделить их от геноновской метафизики, здание которой мыслитель тщательно возводит практически во всех своих работах. При этом он старается придать ему строгие формы, определяя концептуальный каркас. Это Генону не слишком хорошо удается, уж слишком подвижными были в истории философии границы поля значений слова «метафизика». В своей небольшой по объему работе «Восточная метафизика» [3] он, с одной стороны, пишет об универсальности метафизики, с другой – говорит о восточной и западной метафизиках, признавая, правда, что в западном мире метафизика есть нечто забытое, ... пренебрегаемое и почти целиком утраченное... [3, с. 227]. На основе рассуждений эзотерика о достоинствах восточных метафизических систем, таких как индуистская, даосская, исламская, контекстуально можно определить метафизику как знание, получаемое непосредственно [3, с. 228], то есть *недискурсивно*, интуитивно. Это знание эзотерическое, о существовании которого «большинство современных людей Запада даже не подозревает» [3, с. 229]. Однако и этому своему утверждению Генон противоречит, говоря (кстати, ошибочно), что в Индии не было «доктрины с двумя ликами, экзотерическим и эзотерическим» [3, с. 229]. Эзотерические доктрины в индуизме были; они существовали и сейчас существуют в виде тантрических учений и брахманского, и фолк-индуизма разных религиозных групп *шактов* и *бхактов*. И если бы Генон узнал, чему они учили, вряд ли они ему понравились бы.

На первый взгляд, оценка существовавших на Востоке традиционных учений как метафизических и вытекающее из нее отрицание существования у народов Востока религии и философии у Генона могут быть истолкованы как признаки колониального дискурса и послужить еще одним поводом для критики геноновской метафизики. Но в книге «Человек и его осуществление согласно веданте» мы находим мысль, которая превращает отсутствие на Востоке религии и философии в достоинство восточных традиций, а не в доказательство их ущербности. Оценивая западные религию и философию весьма негативно как профаническое и вульгаризированное знание, Генон замечает: «...когда мы видим, чем является философия в наше время – мы не можем удержаться от мысли, что ее отсутствие в какой-либо цивилизации вовсе не повод для сожаления» [3, с. 14].

Заключение

Если обобщить смысл критических аргументов Р. Генона против ориентализма, то все они сводятся к демонстрации отсутствия у западных исследователей Востока адекватного понимания традиционных цивилизаций. Пониманию помешала абсолютизация ложных догм Запада: веры в прогресс и всемогущество человеческого разума, отказа от веры в Абсолютное первоначало, дискриминации традиционных цивилизаций за их инаковость, перерастающей иногда в агрессию. Возвышение разума привело западного человека к игнорированию более древней и мощной познавательной способности – интеллекта, который может схватывать не только то, что дано человеку в определенных ощущениях, но и то, что человек может чувствовать только неопределенно, интуитивно. Традиционные цивилизации всегда опирались на интуицию и видели в мире гораздо дальше и больше, нежели современная западная цивилизация: духовное *Первоначало* мира и человека. Неважно, что в разных цивилизациях Первоначало называлось по-разному: Богом, *Атманом* или именами личных богов. Метафизика – это не просто теоретическое знание, она дает человеку осознание своего единства с *Первоначалом* и более достойные основания для организации жизни, чем удовлетворение материальных потребностей. В этой целостной перспективе и состояла жизнь традиционной цивилизации. Современность – искажение традиционного взгляда. В ней жизнь человека фрагментирована, поскольку лишена перспективы *sub specie aeternitatis* («с точки зрения вечности»), а значит, у современного человека разрушена связь с *Первоначалом*.

Несмотря на религиозный характер его философии и отдельные противоречия в аргументации, Генон стал предтечей многих сдвигов в отношении традиционного мышления, произошедших в западной философии второй половины XX века, например, отказа от использования западных парадигм в оценке восточной саморефлексии, признания разных рациональностей и множественности истин, появления установки на диалог философских традиций, на поиски метаязыка такого диалога и т. п.

Литература

1. Генон Р. Восток и Запад / пер. с фр. Т.Б. Любимовой. – М.: Беловодье, 2021. – 216 с.
2. Генон Р. Общее введение в изучение индуистских учений / пер. с англ. М.В. Маковчик. – М.: Беловодье, 2013. – 320 с.
3. Генон Р. Человек и его осуществление согласно веданте; Восточная метафизика / пер. с фр. Н. Тирос. – М.: Беловодье, 2004. – 256 с.
4. Едлиньски М. Философия кризиса Рене Генона // *Sensus Historiae*. – 2018. – Vol. 33, N 4. – P. 77–86.

5. *Альсенко В.Г.* Ориентализм и проблема чужого: ксенологический подход // Ориентализм / оксиденциализм: языки культур и языки их описания / ред.-сост. Е.С. Штейнер. – М.: Совпадение, 2012. – С. 34–42.
6. *Саид Э.В.* Ориентализм. – СПб.: Русский мир, 2006. – 664 с.
7. *Штейнер Е.* Восток, Запад и ориентализм: место востоковедения в глобализирующемся мире // Ориентализм / оксиденциализм: языки культур и языки их описания / ред.-сост. Е.С. Штейнер. – М.: Совпадение, 2012. – С. 14–24.
8. *Эвола Ю.* Языческий империализм / пер. с нем. и послесл. А. Дугина. – М.: Арктогея, 1994. – 172 с.
9. *Guénon R.* Introduction générale à l'étude des doctrines hindoues. – Paris: Éditions de La Maisnie, 1987. – 320 p.
10. *Guénon R.* La crise du monde moderne [1927]. – Paris: Gallimard, 1946. – 187 p.
11. *Guénon R.* L'homme et son devenir selon le Védânta. – Paris: Les Éditions traditionnelles, 1925. – 214 p.
12. *Guénon R.* Orient et Occident. – Paris: Les Éditions de la Maisne, 1987. – 231 p.
13. *Halbfass W.* Research and Reflection: Responses to my Respondents // Beyond Orientalism: The Work of Wilhelm Halbfass and its Impact on Indian and Cross-Cultural Studies / ed. by E. Franco, K. Preisendanz. – Delhi: Motilal Banarsidass, 2007. – P. 1–25.
14. *Lardinois R.* L'invention de l'Inde: Entre ésotérisme et science. – Paris: CNRS Éditions, 2007. – Ch. 6: Logiques prophétiques. – P. 185–212. – URL: <http://books.openedition.org/editions-cnrs/4893> (accessed: 10.02.2023).
15. Les classiques des sciences sociales / UQAC – Université du Québec à Chicoutimi. – URL: <http://classiques.uqac.ca/> (accessed: 10.02.2023).
16. *Tolz V.* 'Russia's Own Orient': The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. – 216 p.
17. *Sedgwick M.* Western Sufism: From the Abbasids to the new age. – New-York: Oxford University Press, 2016. – 368 p.
18. *Strube J.* Occultist Identity Formations between Theosophy and Socialism in fin-de-siècle France // Numen. – 2017. – Т. 64, N 5–6. – P. 568–595.
19. *Turner B.S.* Orientalism, Postmodernism and Globalism. – London: Routledge: Taylor & Francis e-Library, 2003. – 244 p.

Статья поступила в редакцию 11.06.2022.

Статья прошла рецензирование 03.08.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-44-60

THE METAPHYSICAL SENSE OF ORIENTALISM CRITICISM IN THE WRITINGS OF RENÉ GUÉNON*

Kanaeva, Nataliya,

*Dr of Sc. (Philosophy), Associated Professor,
National Research University "Higher School of Economics",
21/4, bldg. 1, Staraya Basmannaya Street, Moscow, 105066, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7987-8163
nkanaeva@hse.ru*

Shikov, Artyom,

*Undergraduate Student,
National Research University "Higher School of Economics",
21/4, bldg. 1, Staraya Basmannaya Street, Moscow, 105066, Russian Federation
aashikov@edu.hse.ru*

Vasilyev, Grigoriy,

*Bachelor Student,
National Research University "Higher School of Economics",
21/4, bldg. 1, Staraya Basmannaya Street, Moscow, 105066, Russian Federation
gvvasilev_1@edu.hse.ru*

Abstract

This article is devoted to the critical arguments against orientalism put forward by the French mystic René Guénon (1886–1951) in his three books: *A General Introduction to the Study of Hindu Teachings* (1921), *East and West* (1924), *Man and His Realization according to Vedanta* (1925), and in the paper *Eastern Metaphysics* (1925). These arguments have rarely attracted the attention of researchers, and yet they occupy an important place in the methodology of Guénon's justification of his "true metaphysics" which is one more attempt to return to man his proper human existence, broken in the modern world into different forms – Eastern and Western civilizations. The two types of civilizations are in a state of ruinous confrontation all the time. In the introduction of the article, Guénon's anti-orientalist ideas are correlated with the criticism of orientalism by E. Said (1935–2003), which had a great influence on Oriental studies of the second half of the twentieth century. The main part touches on the cultural context of the esotericist's ideological search, and it marks the source of his metaphysics in the idea of contrasting Modernity and Tradition.

Guénon criticizes the widespread belittling of traditional Eastern cultures by the Western people, and the "dogmas" of civilization, progress and the existence of only one type of humanity moving along the steps of the only possible progress based on reason and rational sciences. For the thinker, the understand-

* The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2021 (grant № 21-04-033).

ding of culture as the progress is flawed, and Western civilization is not a model for the other civilizations, but it is an anomaly of development. As long as the Westerners in general, and the Orientalist scientists, in particular, who study the East with prejudice, without the desire to reach a genuine understanding of the meanings of Tradition as a form of integral metaphysical knowledge, do not get rid of their “dogmas”, the confrontation between East and West will persist. Guénon often finds his critical arguments in the works of professional orientalists (Eugène Burnouf, Max Müller) and philosophers (G.W. Leibniz). He demonstrates the mistakes they made which destroy the foundations of the orientalist approach.

Keywords: integral traditionalism, intellect, “Modern – Tradition” antithesis, occidentalism, orientalism, René Guénon, tradition, true metaphysics.

Bibliographic description for citation:

Kanaeva N., Shikov A., Vasilyev G. The Metaphysical Sense of Orientalism Criticism in the Writings of René Guénon. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 1, pt. 1, pp. 44–60. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-44-60.

References

1. Guénon R. *Vostok i Zapad* [East and West]. Moscow, Belovod'e Publ., 2021. 216 p. (In Russian).
2. Guénon R. *Obshchee vvedenie v izuchenie indusskikh uchenii* [A general introduction to the study of Hindu teachings]. Moscow, Belovod'e Publ., 2013. 320 p. (In Russian).
3. Guénon R. *Chelovek i ego osushchestvlenie soglasno vedante* [Man and His Becoming According to the Vedanta]. *Vostochnaya metafizika* [The East Metaphysic]. Moscow, Belovod'e Publ., 2004. 256 p. (In Russian).
4. Jedliński M. *Filosofiya krizisa Rene Genona* [Philosophy of the Crisis of René Guénon]. *Sensus Historiae*, 2018, vol. 33, no. 4, pp. 77–86. (In Russian).
5. Lysenko V.G. *Orientalizm i problema chuzhogo: ksenologicheskii podkhod* [Orientalism and the problem of the alien: a xenological approach]. *Orientalizm / oksidentsializm: yazyki kul'tur i yazyki ikh opisaniya* [Orientalism / Occidentalism: Languages of Culture vs. Languages of Description]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2012, pp. 34–42.
6. Said E.W. *Orientalizm*. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2006. 664 p. (In Russian).
7. Shteiner E. *Vostok, Zapad i orientalizm: mesto vostokovedeniya v globaliziruyushchemsya mire* [East, West, and Orientalism: The Place of Oriental Studies in the Globalizing World]. *Orientalizm / oksidentsializm: yazyki kul'tur i yazyki ikh opisaniya* [Orientalism / Occidentalism: Languages of Culture vs. Languages of Description]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2012, pp. 14–24.
8. Evola J. *Yazycheskii imperializm* [Pagan Imperialism]. Moscow, Arktogeya Publ., 1994. 172 p. (In Russian).
9. Guénon R. *Introduction générale à l'étude des doctrines hindoues*. Paris, Éditions de La Maisnie, 1987. 320 p.
10. Guénon R. *La crise du monde moderne*. Paris, Gallimard, 1946. 187 p.

11. Guénon R. *L'homme et son devenir selon le Védānta*. Paris, Les Éditions traditionnelles, 1925. 214 p.
12. Guénon R. *Orient et Occident*. Paris, Les Éditions de la Maisne, 1987. 231 p.
13. Halbfass W. Research and Reflection: Responses to my Respondents. *Beyond Orientalism: The Work of Wilhelm Halbfass and its Impact on Indian and Cross-Cultural Studies*. Ed. by E. Franco, K. Preisendanz. Delhi, Motilal Banarsidass, 2007, pp. 1–25.
14. Lardinois R. *L'invention de l'Inde: Entre ésotérisme et science*. Ch. 6. *Logiques prophétiques*. Paris, CNRS Éditions, 2007, pp. 185–212. Available at: <http://books.openedition.org/editionscnrs/4893> (accessed 10.02.2023).
15. UQAC – Université du Québec à Chicoutimi. *Les classiques des sciences sociales*. Available at: <http://classiques.uqac.ca/> (accessed 10.02.2023).
16. Tolz V. 'Russia's Own Orient': *The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2011. 216 p.
17. Sedgwick M. *Western Sufism: From the Abbasids to the new age*. New York, Oxford University Press, 2016. 368 p.
18. Strube J. Occultist Identity Formations between Theosophy and Socialism in fin-de-siècle France. *Numen*, 2017, t. 64, no. 5–6, pp. 568–595.
19. Turner B.S. *Orientalism, Postmodernism and Globalism*. London, Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2003. 244 p.

The article was received on 11.06.2022.

The article was reviewed on 03.08.2022.